

I

Просыпаюсь в оглушительной тишине мироздания. Мироздание. Мироздание... Никакого здания нет, оно еще не построено. Мир замер в ожидании сотворения, и меня окружает непроглядный вибрирующий мрак. Я лежу с открытыми глазами — два маленьких пересохших колодца, жадно всасывающих Вселенную. Но там, в этой непостижимой бесконечности, где тяжело ворочаются и подмигивают иные миры, ничего нет. Даже воздуха.

Грудь моя начинает дрожать и дергаться. Там что-то растет, рвется наружу, ребра гнутся, как прутья в плетеной корзине. Мне ничего не остается, как подчиниться этой чудовищной силе. Дитя, ползающее по полу у ног разгневанного отца. Никогда не знаешь, когда обрушится следующий удар. Ребенок — это я. И отец — тоже я.

Мир еще не создан, и надо спешить. Вот-вот расцветет. Я хватаю торбу, выкованный в местной кузнице топор и бегу. Прячусь на опушке. Притворяюсь, что поправляю одежду, — на случай, если увидят. Перематываю в десятый раз портянки, выискиваю в шапке

заблудившихся блох — их там нет, но я все же притворяюсь, что есть, и делаю вид, что швыряю злодеек в кислотный ад муравейника. И исподволь поглядываю на хутор. Вот потянулся первый дымок из-под крыши курной избы. Проснулись.

Наконец! Выходит она. В руках покачиваются пустые ведра. В робком еще свете начинающегося утра белый головной платок похож на куропатку, на круглом лице смутно сияют ясные глаза и темнеют брови. Я представляю, как нежна и мягка ее кожа, как шевелятся, напевая что-то, пухлые свежие губы. Мычат в ожидании дойки коровы. Она отодвигает засов тяжелых покосившихся ворот и исчезает, будто растворяется в темноте. Все происходит очень быстро... чересчур быстро. Призываю на помощь все органы чувств, пытаюсь сохранить короткое мгновение, чтобы потом в любви момент, когда захочу, вызывать в памяти. Опять и опять.

Я должен увидеть ее и завтра. Ее покачивающиеся бедра под фартуком, волнующие округлости груди, руку, отодвигающую засов коровника. Воровато перебегаю заросший случайной травой двор и осторожно трогаю засов. Тот самый, на котором только что лежала ее мягкая рука, теперь лежит моя — шершавая и жилистая. И мне кажется, дубовый брус все еще теплый. Я представляю, как она ловко и ласково сжимает мягкие коровьи соски, слышу звонкое журчание упругих струек молока, льющегося в подставленное ведро.

Мне хочется открыть дверь и войти в коровник, но нет. Нельзя. Кто-то может увидеть.

Рука моя будет хранить ее тепло весь день.

2

Когда приносят еду, я всегда жду до последнего. Сажу в своем углу. Пасторша вносит тяжелый чугунок с кашей — черный, как сама смерть, дымящийся котелок, словно она подцепила его в дьявольском пекле своим ухватом. Но каша в нем светло-золотистая, душистая, ничего адского.

Брита Кайса помешивает кашу деревянной лопаткой, со дна и на поверхность, со дна и на поверхность. Комки каши тонут в сливочно-белой пенке, и в избе распространяется сытный аромат овсянки. Дети и слуги застыли в ожидании, я вижу их бледные, напряженные лица. Большой деревянный стол окружила плотная стена здорового утреннего голода. Пасторша с суровой миной берет миску за миской и накладывает кашу. Большим — полный половник, тем, кто поменьше — и каши поменьше. Слугам, тем, кто заглянул на огонек... никто не остается обделенным. Все наклоняют головы, руки сцеплены. Прост* ждет тишины. Потом

* *Прост (пробст)* — старший пастор в приходе. — *Здесь и далее примеч. перев.*

склоняет голову и с выражением благодарит Господа за хлеб насущный.

Слышно только, как дети облизывают ложки. Старшие просят добавки. Ломают и делят хлеб, холодную вареную щуку едят руками, а кости раскладывают на столе рядами сверкающих игл.

И только когда все наелись, хозяйка смотрит в угол, где сижу я.

— Иди поешь.

— Необязательно.

— Садись за стол. Дети, освободите место для Юсси.

— Не надо... я тут поем.

Теперь и хозяин посмотрел на меня. Что-то его мучает, не знаю что. Скрыть не удастся, хотя старается. Посмотрел и кивком приказал: ешь. Я поплелся к столу и протянул пасторше деревянный ковш. Я сам его выточил еще в Каресуандо*, и с тех пор он следует со мной везде. Сначала ковш был белым, как кожа младенца, потом потемнел от солнца, соли и тысячи вод.

Я чувствую приятную тяжесть каши в ковше, благодарно смотрю, как Брита Кайса подбирает половником остатки, чтобы вышло побольше, — и бреду назад, в свой угол. Сажусь, скрестив под собой ноги, и быстро ем. Каша загустела, она не теплее моих губ. Я чувствую, как комки ее с трудом проталкиваются по пищеводу, как, вздрогнув, включается в работу желудок. Каша остыла, но даже холодная она дает мне тепло и силу, а тепло и сила помогают жить. Я ем, как едят собаки, жадно и настороженно.

— Еще положить?

* Самый северный поселок Швеции.

Она знает: я не попрошу. Я ем только один раз и только то, что дают. Никогда не прошу добавки.

Ковш пуст. Провожу большим пальцем по краю, снимаю прилипшую кашу, слизываю и опять провожу, и опять слизываю, до последней крупинки. Он мой кормилец, этот ковшик. Он притягивает еду. Сколько раз я был голоден так, что вот-вот умру, — и ковш меня выручал. В нем откуда ни возьмись появлялась рыбья голова. Или оленье кровь. Или мороженая морошка из предгорий. Вот так. День прожит. Потом будет новый день. Вот и все, на что я надеялся, — завтра будет новый день.

Сажусь на пол в дальнем углу. Никогда не проталкиваюсь вперед, никогда ничего не требую, не хватаю, как ворон, не шиплю, как россомаха. Лучше уйти. Если никто не замечает, надо оставаться в тени. Но хозяйка меня заметила. Я ничего не требую, а она все равно кормит меня. Не потому что я — это я. Будь на моем месте любое другое живое существо, корова или собака, ее молчаливое участие простиралось бы и на него. Все живое должно жить. Это ее религия. Примерно так.

Я могу исчезнуть в любой момент, такова жизнь у нас, бродяг: нынче здесь, завтра там. Встаю, закидываю за спину торбу и ухожу. Все, что у меня есть, ношу с собой. Одежда... можно назвать ее и так. Нож за поясом. В торбе роговая ложка, мешочек с солью и все тот же ковш. Я легок и быстр: пока кто-то хватится, уже за перевалом. Почти не оставляю следов, как не оставляют следов звери. Примятая трава за спиной быстро поднимается. Если развожу огонь, нахожу старое кострище. Зола моего костра смешивается с золой давно отгоревшего и становится невидимой. Если мне надо справиться нужно, я поднимаю кусок дерна, а потом кладу его сверху —